

СТАРЫЙ ГОРОД

Первич. примеч.

Справ. №

Инв. № в М. Инв. № в Д. Инв. № в Д. Инв. № в Д. Инв. № в Д.

Подп. и дата

Инв. № подл.

Даниил Евдокимов

Изм.	Лист	№ докум.	Подпись	Дата
Разраб.				
Проверил:				
Нач. отдела				
Н. контр.				
Чтв.				

Лит. Лист Листов

Даниил Евдокимов

Старый город

«Автор»

2026

Евдокимов Д.

Старый город / Д. Евдокимов — «Автор», 2026

Сборник малой прозы, повествующий о жизненных забавах некоего старого города.

© Евдокимов Д., 2026

© Автор, 2026

Даниил Евдокимов

Старый город

Есть одна история. Один человек, спасает другого, из огромной глубокой лужи, понимаешь? Спасает с риском для собственной жизни. Ну вот, они лежат у края этой глубокой лужи, тяжело дышат, устали. Наконец, спасённый спрашивает:

- Ты что?

- Как что? Я тебя спас!

- Дурак! Я там живу!

Обиделся очень.

х/ф «Ностальгия», 1983 г.

СТАРЫЙ ГОРОД

Светать начинает поздно. В добрые пару часов после полудня город N погружается в такую непролазную темень и грусть, что решительно не ясно, как он вообще из нее все-таки выбирается, даже после многовекового восхода солнца. Первыми его встречают квадратные дома из серого и бурого камня, изморозь на окнах отражает тусклый свет и подергивается морозной дымкой. В старом городе N жизнь стояла настолько понурая и загустелая, как вода в стоячем болоте, что ни сам город, ни его жители, на восход солнца и, следовательно, перемену непроглядной темноты на вялый шадящий свет никак не реагировали вовсе. Здесь ничего и никогда не меняется. И если какое-нибудь монструозно огромное, космическое небесное тело вдруг решит упасть и учинить здесь разрушения, то и оно рискует остановиться в нерешительности и само, невзначай, стать холодным и равнодушным как стены города, застрять на небосводе и остаться в таком положении, не зная, что и сделать, ибо обратно уже совершенно точно не улетишь. Таким образом время, в стенах старого города и по узким проулкам домов из серого и бурого камня, будто бы созданных для того чтобы собирать сквозняки, имеет свойство останавливаться или же понуро тянуться, как нуга. Этот старый город всегда пробуждался только под не переставший, всепожирающий гомон фабрики.

При закладке города, как известно, многое не требуется. Для начала нужно справиться со шквалистым ветром и встать к нему спиной. Не шадя живота своего, осушить болота да вбить в них сваи, присыпав песком. Возвести временные жилищные бараки, по иронии судьбы, простоявшие до глубокой современности. Отстроить дома из серого и бурого камня с узкими пролетами, построить места начальных и окончательных регистраций горожан. Поставить магазины продовольственные и бытовые, не забыть про парикмахерские и поликлиники. Пару яслей и немного школ. Будто бы неприметным и хитрым вкраплением учинить питейные дома, выставив там ассортимент какой угодно крепости алкоголя. Финальным штрихом, грубым и прямолинейным, размазать облака по всему небосводу и прогнать куда подальше солнце, не позволяя тому слепить глаза. По таёжной равнине с осушенными болотами рассыпать щедро и не скупясь тополиные и ивовые деревья. Расстелить сено и траву, что проведут большинство своего времени под твердым снежным пластом и мокрым снегом.

Фонарь оранжево освещал часть лениво падающего мокрого снега, когда житель старого города N вышел из своего серокаменного дома, остановился в недоумении, и хлопнув ресницами, совершенно не знал, что-же все-таки делать со своим здоровьем. Начать убивать себя табаком и алкоголем неправильно и стыдно, местами даже не совсем приятно, в довесок ко всему это плохо сказывается на поиске прилично воспитанного партнёра с последующим избавлением от одиночества. Следить за своим здоровьем и считать калории, регулярно делать

кардиоупражнения, заниматься спортом с правильным задействованием определенных групп мышц, отказываться от вкуснятины в угоду пресной похлёбке, – это уже совсем смешно и глупо, такие устремления выдают в жителе города N недалёкого и туповатого обывателя без особых, действительно не таких как у всех философских взглядов на жизнь. Наплевать на свое здоровье и начать толстеть в животе и боках, обрастать проблемами с сосудами и с сердцем, становиться внешне противным и запущенным, – приятного и дельного в этом совсем ничего. Так и не найдя ответа, житель старого города захрустел башмаками по вечной мерзлоте, которая здесь сохраняется и цветет еще с начала мироздания. Навстречу ему шел оборванец с видом отъявленного доходяги, при виде жителя города N он заметно ускорился, и поравнявшись с ним, обронил следующее:

– Война, кто-бы там не пускался в философские дебри, это все-таки форс-мажорное обстоятельство, весьма местечковое и почти случайное. Если угодно, досадная неприятность... Людскому роду не свойственно слишком напрягаться и бегать с мушкетами друг за другом – это небезопасно и занимает много времени. А что ему свойственно? Правильно, накопление и приумножение своего капиталашки, коллекционирование психических проблем, заботы о дне грядущем – что купить и чем пузо набить, деньги, сладости и снова деньги, рубли, песо и доллары, фунты, марки и даже гульдены!

Излив свои умозаключения случайному жителю старого города, доходяга поспешил удалиться и скрылся за углом серокаменного здания, неловко шаркая валенками. Вослед ему никто не смотрел.

Житель города N не понял и слова из того что ему было поведано, ведь для начала ему следовало бы разобраться с вопросом вечной мерзлоты, которая будто бы исходила сначала из недр земли, а после, в сером вихре снега и льда, поднималась кверху. Всё было белым бело, потому что небо заволочли бело-серые, твердые тучи, закрывая его толстым слоем без единого отверстия. Когда же он попытался вперить взгляд в глубину кружащего вокруг тумана и холодной росы, упавшей, словно насыпь на стройке, он не смог понять и увидеть ничего, кроме мутных и странных, душу клевавших переживаний и тревоги. От всего этого житель города N хотел лишь поскорее отвернуться и начать гнать самогон. Приложив не мало усилий и поборов это стремление, житель старого города прошел еще пару кварталов, непрестанно находясь будто в сонной одуре; он свернул на театральную площадь, где как раз, будто дожидаясь его, разыгралась неуклюжая драма. На этой площади, усеянной битым асфальтом, толпа сходилась и плевалась, кусалась, ручками и ножками пыталась выдавить одна другую. Старые часы отбивали час за часом. Но всё это людское кипящее озеро шумно пенилось, отбрасывало, закручивало буруны и воронки, билось об стены равнодушных домов с громким плеском. Дождевые осадки с каждым глухим стуком часов грозились утопить людей с головой, и каждый раз полоса бурлящей воды подбиралась к мочкам ушей, заливала за шиворот, но дойдя до известного предела резко отступала в землю, унося с собой часть тех обид, что успела впитать. Эта толпа сходится одному Богу известно сколько раз, так что порядком прискучила, и жителю города N не следует особо заострять внимания.

Житель города N приосанился и пошел дальше. Холодно, очень холодно. Все вокруг, да и внутри него, не располагало к радостным, человеколюбивым размышлениям. Он был явно зол и недоволен своей участью, без толку и цели стиснутой в субарктическом климате. Он хотел учинить мятеж, рассказать о людях гадости, которые непроизвольно рождались и роились у него в голове без всякого злого умысла, ему хотелось согреться и полить горло теплым чаем, хотелось рухнуть в сугроб или поспать где-нибудь в чулане под лестницей, обогретому желтой лампочкой и почему-то чуждому шквалистому морозному ветру. Его же, явно подгоняет чья-то злая воля добраться из точки А в точку Б, будто он герой школьной задачки по физике. «Или это злые, власть имущие, вечно ненасытные пастухи наши, или же это всё та же, страшненькая доморощенная бабёнка, которую эти сильные мира сего выводят станцевать кордебалет».

лет на площади с разбитым асфальтом, в эти всем известные дни празднества, для соблюдения всем известного ритуала. А после, пастухи эти запирают ее на ключ в шкафу и идут гулять под белое игристое, более уж не позволяя ей любоваться ими». А может все проще, а может и куда сложнее, у него нет сил и желания об этом думать.

Обогнув очередной дом из серого и бурого камня, он и не думал сбавлять обороты, а только ускорил шаг, лишь немного позволив себе оборотиться и доглядеть деревянный дом на плохой улице, чьи сваи уж давно прогнили и опустили половину дома глубоко в землю. С наступлением поздней весны и первых краях лета, плохую улицу охватывало приятное глазу зеленое оперение. Дома из серого и бурого мокрого камня загадочно и почти красиво контрастировали с зелеными набухшими листьями березы и многочисленных старых тополей. Мимолетная слабость. Сейчас эти дома исчезали постепенно. Приезжала большая машина с ковшом, и отрывала один кусок дома за другим. Оставшаяся половина дома после такого наказания топорщилась гвоздями и досками кверху и в стороны, не суля ничего хорошего. Пустые половинчатые коридоры и комнаты хранили на себе следы минувших дней. После работы большой машины с ковшом, на стенах обнажались старые слои обоев, коими служили газеты, вероятно клееные еще в прошлом тысячелетии. Так, слой старых памятных газет покрывал слой старых памятных домов. Все это, вместе со старыми элементами быта, вполностью прогнивших еще при жизни дома книг, маленького мусора и мусора побольше, оставалось догнивать на открытом солнце и под проливным дождем. И наконец, спустя полгода такой насмешки, снова приезжала большая машина с ковшом, в пару крепких ударов добивала все те остатки, бывшие когда-то воспоминаниями, забирала пыль и обломки с собой, оставляя лишь длинную и широкую полуметровую яму. Зияющая дыра на том месте, что так резко контрастирует с памятью, уже не щекотала нервы и не приводила в движение чувства. Иголки из гвоздей и досок не смущали взгляда, воспоминания становились бледнее, прозрачнее, пока не сгинули все без остатка в той яме, что уже служит дому эпитафией.

Навстречу жителю старого города высыпала большая толпа разных возрастных групп. Разорвали бледную туманную изморозь и явили себя. Прямо – ухабистый, разбитый асфальт. Кругом теснят его и дыбятся кучи открытого грунта – промерзшей насквозь непахучей земли. Пыльные лужи и кучки растерты и расставлены по этому асфальту. На земле и в отдалении – голые, понурые деревья, печальные и тоскливые. Над ним и над людьми висит всегда серое, призрачное небо. Закрывает и наблюдает. Горожане шли навстречу жителю города N. Идти, вот так просто, как всегда ходил, тут проторено и не скользко. 7:45. Новый день. В 8:15 уже там, успею умыться. Пока то да сё, пришли, посидели, лопату в руки и пару точных бросков. Скоро и обед. Котелок кипит. Можно и поспать. После обеда всегда справнее, только не думай о завтра. Это проблемы завтрашнего дня. Известный ритуал. По прямой дороге можно чуть прикрыть глаза. Так даже забавно и необычно. Избыток сахара портит зубы и неизбежно приводит к диабету, для здоровья живота необходимо исключить из рациона жареное и горелое, всё острое и сверх горячее. Какой-то там вид мяса крайне вреден и его нужно перестать есть, вспомнить бы только что за мясо. Курение вредит сердцу, лёгким, гортани и зубам, вредит в общем всему, и от него следует отказаться в срочном порядке. Алкоголь чернит репутацию и разрушает семьи, его следует выстегнуть и вылить весь за борт, хотя может и оставить пару капель в рюмашку... Никогда не сможешь сказать точно, когда приспичит. Для пользы зрения нужно есть что-то там с огорода, для пользы организма и для общего развития нужно... В общем обязательно зарубить себе на носу. Ворох тягот и забот пронесся по разбитому асфальту, взбаламутив дорожные комья пыли, напугав серое небо. Близкие сердцу и родственные духовно горожане прошли мимо него, глянув исподлобья, и оставили его стоять с зарождающимся чувством вины. На просторном пухлощеком лице, сдобренным религией, поникшим челом и вековыми традициями – житель старого города всегда готов обнаружить скромных размеров наст глупости и колко в глаза бросающиеся добродушие и кротость из тех, что пряником не возбраняются,

– жалкие и слабые люди не нравятся никому, даже архимандриту. Бегом, волочась, скользя и спотыкаясь, спешили они к автобусной остановке, ясно понимая, что жизнь человеческая суть есть выживание, с жалкими и порой размашистыми попытками сгладить ее острые углы. Предшествовавшее тому укладывание своего потрескавшегося тела в как можно более длительный сон – это своего рода жизнь наоборот. В детстве, бывало, нашего брата и палкой не загонишь и не уложишь спать, ибо попробуй ему объяснить, с какой это стати, он вдруг должен обернуться спиной к яркому и теплому миру, искрящемуся разнообразными радостями и забавами, и вдруг погрузиться в черную темноту бестолкового и неясно зачем нужного сна. Казалось, существовал этот сон только затем, чтобы по законам жизни подкинуть ложку дегтя в бочку меда, и под увещеваниями родителей маленький человек все-таки отходил ко сну, по истечению которого радостно возвращался обратно в тот чудесный мир, который оставлял слава Богу ненадолго. Ну а сейчас – всё тяжело, и даже что не кажется тяжелым, тяжело вдвойне. Тяжело вставать с постели в летний зной и холодную зиму, тяжело поднять свои кости и поставить их вертикально. Тяжело делать это снова и снова.

Жители старого города были способны предпринять какие угодно меры, для сохранения общего порядка и спасения ситуации; если бы городу угрожал катаклизм апокалиптического масштаба, они бы справились и с ним, лишь бы не позволить тому нарушить все планы и спутать все карты по походу к стоматологу по заранее выбитому и выстраданному талону. На плечах жителей старого города так же и государство, коему никак не позволено упасть или хотя бы накрениваться набок, ведь если последнее перестанет существовать, некому будет выдавать талоны к терапевту и офтальмологу, оформлять больничные и отпуска, платить пособия и пенсии; предлагать кучу товаров и реализовывать широкий спектр услуг; жить без коих не может ни один человек и ни одно государство. Без отдыха не может жить человек, и тем более многострадальный житель Старого Города. Его беднягу, не бьет в шею только ленивый, в перерывах между битьем угощая того щедрыми поборами. Все это стоически необходимо выносить, все это необходимо передавать поколениями, как олимпийский огонь, чтобы так же стоически выносили другие. Они, наученные суровым и горьким опытом, который можно получить, только извечно пребывая в условиях вечной мерзлоты, ясно усвоили и запомнили, что пребывание в середине и по краям разбитого асфальта и глубоких колдобин сохраняет спокойствие, толику материального благополучия и неприкаянность как для них, так и для последующих поколений. Двигаясь по заданному направлению, они очень боятся, и не могут не бояться, если детей их собьют с пути, пролегающего по всему периметру выбоин и прогалин, или они сами по чудаковатости своей этого возжелают – могут и произойдут страшные вещи. Если он, елейный и рассеянный, выбьется из потока по его левую руку, то будет осмеян, по правую – станет предметом ненависти и отвращения. Всё это портит нервы тёти Клаши и дяди Гриши, отнимает у них тот покой и упорядоченность мира, к коему стремились еще их дальние предки. Когда шествие на известный миг прекратилось, глянцевоитым, скользким ручьем сполоснуло мерзлую кучу, постелив на ней отражающий наст, вот только отражать ему нечего. Ржавые и медные трубы будут биться друг об друга, птицы стрекотать, солнце всходить и опускаться, тысячи и сотни тысяч злого и доброго люда пройдут вокруг, тополя вырвет с корнем аспидный северный ветер, взбаламутит он северное море и стройным маршем, на гнедых и вороных проскачет вниз, к материку. И все равно все оставит неизменным. Тысячи и сотни тысяч мыслей и разнообразных намерений посетит людские головы, головы эти успеют состариться и закрихтеть, стуча палкой по скверу с разбитым асфальтом, вот только в ответ этому стуку строгая тишина. В этой тишине прибежит и скопится у морского песчаного берега желто-серая пена, свинцовые нагнанные тучи даже сменятся и отступят вовсе, обнажив сияющее голубое небо, и опять ненадолго; завершив праздник вихрем северного ветра, манящее солнце уйдет и снова обдаст стучащим холодом и строгой, стерильной тишиной. Даже старые, тонкой работы циферблатные часы, врезанные в фасадную стену дома напротив, каждый пройденный час глухо брякали,

стрелки уныло покачивались в разные стороны, затем не торопясь вставали на место и продолжали своё шествие, безразлично ко всему. Пусть так, начнется новый день, и дома из серого и бурого камня всё будут стоять на своем, до окончания времен.

Тяжелая судьба, окаймленная синей бархатной обивкой, сотканной из колючего снега и слоя всегдашних серых облаков. От этой правды жизни жителей старого города N тянет поскорее отвернуться, и осуждать их не имеет никакого права ни серое небо, ни колючий снег. В классических историях, все начинается невинно, но здесь все началось вполне себе винно и неприятно. Когда это имело место происходить, то совсем не походило на типичное подпитие щеголеватого джентельмена облаченного во фрак, и застигнутого по обыкновению за игрой в бридж или преферанс; с бокалом красного полусладкого в левой руке и с изящно оттопыренным мизинцем. Всё было по-другому. Весь их вид непременно отвращает вас. И какой же товар они смогут продать вам, чтобы понравиться? В скудном ассортименте и на полках по углам нет того товара, что не подвергся бы вашему осуждению. Ведь занятия их просты – пить, есть, курить. Но как не просты в исполнении! Человеческое существо, будучи по сути своей плотью и кровью, падкое на различные зависимости различной тяжести – непременно требует закурить, когда плоть того хочет. Сигареты эти дешевы и едки, когда плоть требует распития, то и напитки дешевы и дурны. Вам все это не по нутру и глаза и ноги сами скорее бегут скользя, пытаясь наконец найти хоть что-то не вызывающее отторжение. В тесных жилищах, сбитых из серого, бурого камня, барачных досок и голубых блочных квадратиков; по коридорам и непристойным питейным заведениям, в тесных прокуренных кухнях, под открытым, мглистым серым небом, в компании собственных собратьев по несчастью и по одиночке – происходило подпитие. Треск! Это стакан шлепнулся боком на столике и вылил из себя добрую половину кислого пива. Люди, не щадя живота своего, заливали всю свою горечь столь же горячительными напитками, ругались, мирились, облегчались, изливали друг другу душу. Все пьяные слезы умиления, когда несколько человек наконец сливаются в едином порыве грустной радости, горячих слез, безоговорочного взаимного понимания, почему-то всегда текут в дуршлаг или дырявое корыто, образуя большие мутные лужи на полу, что высохнут к утру. Громкие стенания от взбередившихся старых ран и обид, под вином или чем покрепче, скорее призваны вывести из человека этот большой эмоциональный комок путем непрерывного ручья слез, судорожных объятий, лобзаний. Словно трезвое, спокойное бытие у них отнимает годы жизни, и они спешат наверстать это пятнадцатичасовым беспробудным запоем. Наутро от вчерашнего раскаянья в подпитии не остается и следа. За прошедшую ночь ничего опять не изменилось. И если большое количество этих людей вытряхнуть в чисто-поле и предоставить самим себе, они начнут профессионально заниматься жизнью. Наиболее приспособиваться к жизни. Вручать награды и титулы тем, кто лучше других в этом преуспел. Создавать организации и структуры, муниципальные образования, акционерные общества, объединения всех сортов и оттенков. Не останется того пустого и безмятежного места, которое бы не было занято людской самонадеянностью. Пусть так, ведь все это происходит в тех же пространствах, где падают с неба большие, пухлые снежинки, ровно и красиво стелясь на землю и на крыши домов из серого и бурого камня. Дома эти молчали, и было у них только ощущение, будто бы Бог ниспослал весь этот снег, дабы прикрыть то безобразие, которое сам и породил. Все эти тоскливо-безрадостные причуды жизни норовят преподать жителю старого города N науку бедности.

Житель старого города устремился дальше к своему пункту Б. Дома стояли столбами, колоннами, огромными серыми прямоугольниками, разбросанными кусками в форме сапог и таинственных башен, все до одного серо-бурое и холодные, грязные, пугающие, зловещие, пустые. Подоткнув шубу, он принялся разглядывать первое попавшееся высотное окно. За этим вымороженным окном в большой комнате вокруг стола сидели люди с запонками и пуговицами на пиджаках столь отполированными, что падающий от люстры свет ударял по ним и

рассыпался в яркую слепящую вспышку, застилая лица сидевших и не позволяя как следует их разглядеть. За этим столом все чего-то хотят; не перестают хотеть. Этим круглым резным столом они услужливо опоясаны, сдавлены одним из тех мест, где суждения – поверхностны, притязания на умный слог – чрезвычайны, самомнение и самолюбие что так легко поранить – раздуты до размеров столь значительных, что сами виновники этого непомерного засилья грязи едва ли вам ответят, каких габаритов нужна несущая конструкция чтобы выдержать её вес и всё пребывающий напор. Отпрянув от этого окна, сложно заставить себя не заглянуть в другое, поэтому житель города N запрыгал глазами и зацепился за следующее окно следующего дома. В этом доме живут бабушки и дедушки. Небольшой кирпичный квадрат, некогда бывший оранжевым, утратил былой наружный уют и разошелся большими трещинами. Их латали цементом, и трещины в свою очередь уже пробивались сквозь эти серые мазки странной формы. Если вы не будете задерживаться, то проскочите разваливающееся трехступенчатое затертое крыльцо и маленькие квадратные сени. Первое что вас встретит в коридоре это странный запах старых домов, тусклый желтый свет что совсем не бьет по глазам, стертые временем доски ступенек и маленькие железные почтовые ящички, прибитые в один ряд к бледно-зелёной стене. И если ко всему остальному вы быстро привыкните и уложите на одну полку в голове, то запах, старый запах старого дома потребует для себя больше времени и почестей! Каждый дом пахнет по-своему, и описываемый конечно исключением не является, между досок этого дома сочилась плесень что так любит влагу. Если занести на них ногу они издадут предательский короткий скрип, как бы уведомляя последующие ступени сделать тоже самое. Житель старого города N заскользил всем своим существом по этим ступеням и лестничным площадкам, отскакивая от одной двери с облупившейся краской к другой, готовой поведать свой быт и тайны. Обыкновенно, собираясь за этой дверью по какому-то мало значительному для всех поводу, будь то день рождения члена семьи, повышение в должности и последующее за тем менее скверное пребывание в темном углу, разнообразные юбилеи что так некстати совершаются два раза в десятилетие, злосчастный новый год – каждый год снова, и прочие мелкие празднества, неукоснительно требующие общего сбора волею судьбы породившихся кровно людей. Тогда виновник торжества и несущий на себе это денежное неудовольствие накрыть стол и прогнать пыль с ковров, шкафов и комодов – естественно и уже привычно собирает всех вместе. Хряпнувши, полюбзавшись, откушавши и повеселев, каждый из членов семьи не без удивления замечает про себя, что другой такой же член семьи уже не вызывает в нем неприязни и раздражения своей физиономией, а только наконец немного и мутно становится интересен и даже чуточку мил. Тогда шелковым потоком льются эти речи, которые не хряпнувший и не откушавший человек, будучи сторонним наблюдателем, принял бы за самое обыкновенное лицемерие и притворство. Притворство самое страшное. Несколько часов все купается и пребывает в этом притворстве и хряпаньи с головы до ног, пока наконец все не разойдутся затем только, чтобы на завтра, оголодавши и отошедши, обнаружив привычный порядок дел и мнений о каждом из членов семьи. Порядок, каков он есть, без мишуры и пёстрых бенгальских огоньков.

Резюмируя свои рысканья, житель старого города понял лишь, что во всем этом городе непременно все чего-то хотят. По всем этим домам в батарее заливают ядрёную горячую воду, в палатке за углом жарят сосиски и продают весьма недорого, из под крана льется вода холодная и горячая, в соседней больнице с большой охотой и без претензий отрежут аппендикс если тот вдруг зашалит, и все эти блага цивилизации все равно не делают жителей города N счастливее, не чаруют смыслом и не дают покой; но без них им было бы действительно хуже, трудовая лямка давила бы ключицы и растирала мозоли ещё более яростнее и горше, чем сейчас. Ведь как бы не растрясло мир налево и направо, не перевернуло весь людской быт с ног на голову, не разнесло старые слои беспечного житья в щепки и пепел, новый слой, не заставляющий себя ждать, плавно покрывает старый. И песня заиграет как раньше, в магазинчик также придет еда,

зарплата позволит ее купить, подушка останется такой же мягкой, как и до встряски, аптечные лекарства материализуются из воздуха, вечный сон продолжится будто бы и не прерываясь; праздник не закончится никогда.

Намочив валенки, сутулясь от холода, житель старого города двинулся дальше прямо, и еще раз прямо, пока ноги не повернули его смешную в пальто фигуру к праздничной аллее. Перед новогодними праздниками на двух маленьких скрещенных аллеях старого города N всегда появлялись одни и те же украшения. Елку и снеговиков воздвигали неспешно, зажигали диодные арки и расставляли по всей длине всем известным отточенным манером, словно по трафарету, как расставляли год назад. Всё это блестело, отражаясь на белом подмокшем снегу, и собирало много желающих сделать дагеротипы, их они делали год назад, два и три года назад, и наделают еще невесть сколько. После бурного празднества все это сметали также лениво, как и ставили. Выполнив свою роль, елка, снеговики и блестящие арки томились до следующего раза где –то в холодном подвале хозяйственного инвентаря. По снеговикам никто не скучал.

Странник Иоанн исстари живет в уединенной келье на окраине старого города N. Он совершенно один строит церковь, кормя агнца своего глубоко в сердце, кормит ничем попало, а молоком доенной по утру коровы Овсянки. Вместе с теленком они пасутся на большой пригретой равнине залитой полуденным солнцем, пригретой и залитой солнцем равнине даст Бог три месяца в году. Где же коротает странник Иоанн непроглядную хладную стужу и происки вечной мерзлоты до конца неизвестно, тайна сия покрыта туманом. Руки дяди Вани крупны, мозолисты и грязны от ручной работы.

Только сейчас житель старого города вспомнил, что шел к дяде Ване покаяться. Мысль эта давно грелась у него в голове, получившая наконец свой потаенный и скрытый выход. Он наконец добрёл, постучался, и вошёл в келью к страннику Иоанну. Внутри было ладно и чисто, по-матерински тепло; пахло сушеными травами и чем-то карамельно-янтарным. В углу образ с зажженной свечой, а сам старец сидит за рубленным столом на табурете и по всей видимости, читает духовную книгу.

– Здравствуйте, дядя Ваня. Молва в народе ходит, что вам было ниспослано откровение Божье?

Дядя Ваня оторвал уставший и туманный взгляд от книги и повернул голову на голос. Сообразивши, ответил:

– Всё так родной, всё так.

– Я совсем не с намерением вас огорчить, дядя Ваня, но по моим изысканиям, Господь Бог вообще не откровенничает, такой услады для души людской не предусмотрено... Не бывает в природе, совсем никак. Не дожидаясь ответа житель старого города N выпрыгнул из кельи, как из райского сада, и будучи битым морозом и вьюгой, как железной трубой, потопал дальше. Сделал пакость, тоже мне, ну а как... Каждая собака лает по-своему, я тоже изволю гавкать, как думаю, настроение такое... Или не думаю всё-таки... Ладно. Покаяния не вышло.

Среди грязноватых трубных туч на лиловом небе небрежно расплескалось маленькой лужей северное сияние, плавными зеленоватыми линиями колыхалось на блеклом небе, и всё так же, как бы и не было этих грязненьких туч, ночного неба цвета невытой сливы, отнюдь не становясь от этого менее загадочным. Сияние изгибалось и притягивало взор, бледной зеленой краской растекалось, пока не стало совсем бирюзовым и медленно не растворилось, подмигнув напоследок этой мерзлоте испорченным маяком с грязными и запотевшими окнами. Успокоившись, потопав валенками и даже немного согрившись, жителя старого города N снова проняло, да полоснуло по щекам ледяной стужей; как раз в тот момент, как зажётся огонь в покоех Ивана Матвеевича.

ПРОБЛЕМЫ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Под проливным дождем и горячим солнцем, сквозь яркие снежные бури тихой ночью и застывшим днём, в спокойные лунные, мирные вечера, в громкий и шквалистый ветер – человек строит хижину и землянки. Страдая от морозной вьюги или палящего солнца, он скорее бежит собирать сухие сучья и ветки, и выставив их конусом, сооружает шалаш. В нем он прячется и тихо живет себе, пока первые злые языки северных ветров не разметут все это по округе, ударив его сухой веткой по лбу. Он выкарабкивается и начинает те же решительные действия с прежней удалью и средоточием. Сделав из твердого камня рубило, он колотит им все попадающиеся под руку несчастные деревья, разбрасывая и вытаптывая щепки и свежую пахучую кору. Обстругав брёвна и сложив их в избу, он укрывается в ней и угощается скудной снедью, получая хилую сытость и немного спокойствия. Удар молнии по застланной хвойными ветками крыше вырывает его из еле заметной дрёмы, он выбегает из вспыхнувшего жилища и тщетно силится его потушить песком и засохшими лужами. Всё бесполезно. С тоской и злостью он смотрит на обугленные бревна, обдуваемый приятной и щипающей глаза гарью. Нет времени на раздумья. Он убегает прочь от черной копоти и в спешке ищет известняковые камни, из которых вскоре образуется квадратное каменное жилище. Он утепляет его глиной и всем что под руку попадет, устраивает внутреннее убранство, создает уютный быт и все скоропреходящие радости жизни, кои доступны от обустройства жилища, неподвластного ни шквалистому северному ветру, ни всепожирающему огню. Глухие подземные толчки застали его внутри бастиона, отобедавшего и выспавшегося, а он словно того и ждал. Каменные блоки и неровные булыжники повалили прочь сверху вниз, а стены начали шататься и чуть ли не отплясывать. Хватая все что есть под рукой, он чудом жив цел выбегает наружу, и хватает его лишь на то, чтобы с великой горечью и не проходящей усталостью оглядеть всё то что осталось от его бастиона, в приступе бессильной злости пнуть камень, глотнуть пыли, и уйти ни с чем. После долгих раздумий, человек выбирает новое место, изыскивает новые средства постройки сооружения, изобретает цемент, закаляет сталь, создает невиданные доселе балки и арматуры, закладывает фундамент и приступает к очередному строительству, усвоив все уроки прошлого и приспособившись ко всем вызовам будущего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.